

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 34 (1145).

Суббота, 11 августа 1945 г.

Цена 45 коп.

МИР БУДЕТ ОБЕСПЕЧЕН

9 августа 1945 года войдет в историю борьбы за всеобщий мир и безопасность...

«Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло решение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

В заявлении Советского правительства правительству Японии с изчерпанной позитивной и ясностью сформулированы причины, побуждавшие Советский Союз объявить Японии войну. После разгрома и капитуляции Германии Япония — кровавый эпицентр германских фашистов — осталась единственной великой державой, которая стоит за продолжение войны.

Только на Дальнем Востоке продолжается кровавая битва, которую еще в 1937 году затеяли японские самураи в своих бандитских целях.

Интересы всего человечества, интересы советского народа требуют скорейшего установления всеобщего мира.

Еще в 1936 году товарищ Сталин указывал, что существует два главных очага войны — один, европейский, в зоне Германии, другой — на Востоке, в районе Японии.

Советская держава, выходящая на своих плечах главную тяжесть борьбы против гитлеровской Германии, сыграла решающую роль в ликвидации европейского очага войны. В этом — величайшая заслуга нашего народа, нашей Красной Армии перед человечеством.

Очаг войны на Востоке — японский империализм должен быть уничтожен и чем скорее, тем лучше для народов всего мира. В решении этой благородной задачи наша государственная и доблестная Красная Армия сыграла свою историческую роль. Скорейший, беспощадный разгром японских разбойничьих ордов — это единственное средство приблизить установление всеобщего мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий.

Наш народ не раз за последние 40 лет подвергался нападениям японских бандитов. Подлость и вероломство милитаристской клики Японии проявились в 1904 году, когда мир был нарушен внезапным нападением японского флота на русские корабли в Порт-Артуре.

Наш народ — великий труженик и волевым творец — хочет мира, его заветной целью является мирное творчество, переписка и полное подчинение природы человеческому гению. В жестоких битвах и неустанных трудах заслужил наш народ свое право на изобильную, радостную жизнь, право на счастье.

Мир для всего мира увенчает подвиги наших героев.

ПОЛОЖИМ КОНЕЦ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ!

Советские писатели с большим патриотическим подъемом встретили заявление Советского Правительства о войне с Японией.

В принятой резолюции собравшиеся приветствуют Красную Армию, выполняющую свою благородную миссию, и вождя советского народа — гениального Сталина.

В принятой резолюции собравшиеся приветствуют Красную Армию, выполняющую свою благородную миссию, и вождя советского народа — гениального Сталина.

Н. ТИХОНОВ.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОЛОЖИТ КОНЕЦ АГРЕССИИ

Товарищи! Мудрое и справедливое решение Советского правительства продиктовано высшей целью — борьбой за прочный мир.

Фашистская Япония и гитлеровская Германия — это родственные агрессоры. Внутренне и внешне они согласно готовились к своим разбойничьим захватам и одновременно выступили в разных полусферах.

Как вы знаете, Советский Союз в свое время дал крепко по рукам японской военизации, и она это почувствовала. Хасанская битва показала, что не так легко захватить даже маленький кусочек советской земли.

Япония оказалась последней из членов пресловутой фашистской оси, которая вела войну с Объединенными нациями.

Япония оказалась последней из членов пресловутой фашистской оси, которая вела войну с Объединенными нациями. Италия отпала в ходе войны, Германия повергнута в прах, осталась одна Япония.

Решение Советского правительства является мудрым и своевременным, потому что дальше не может продолжаться такое безудержное уничтожение человечества и культуры.

Будет ли Япония сопротивляться до конца? Я не думаю. Но все равно, как бы ни складывались события — все равно никакое сопротивление не может остановить такую силу, как наша, потому что если японская армия еще сильна, то Красная Армия всемогуща.

Красная Армия разгромила самую страшную боевую машину — гитлеровскую армию, Япония показала свое превосходство только над китайской, технической не совершенной армией.

Широкие пространства Дальнего Востока уже известны нашим пехотинцам, артиллеристам, танкистам. И силу сопротивления японских фашистов Красная Армия сломит своим непревзойденным искусством.

Я думаю, что судьба фашистской Японии решена. Исторический шаг Советского правительства положить конец агрессии — той силе, которая мешает человечеству двигаться вперед.

Генерал-майор Н. ГАРНИЧ

НАС ВЕДЕТ ВЕЛИКИЙ СТАЛИН

Исторический документ — заявление нашего правительства о войне с Японией — это чрезвычайно важный государственный акт.

Войны нашей Красной Армии начали вооруженные действия против японского империализма. Это сильный противник. Германия обладала солидной военной машиной. Япония со второй половины XIX столетия является точной копией германского милитаризма.

Наше правительство объявило эту войну с целью уничтожения всех очагов военной провокации и агрессии во всем мире.

Мы хорошо знаем, что японская военизация вела бы давнишним врагом Советского Союза. На нашей памяти — многочисленные военные столкновения и конфликты.

Очаг войны на Востоке — японский империализм должен быть уничтожен и чем скорее, тем лучше для народов всего мира.

Объявление Советским Союзом войны Японии вызывает в нашем обществе, в частности у литераторов, повышенный интерес к истории русско-японских отношений.

В 1853 г. Россия послала в водах Японии свою эскадру. Прибытие этой эскадры под флагом адмирала Путятина совпало с появлением в японских водах американской эскадры.

Появление русско-американских эскадр привело к «открытию дверей» в Японии, — установлению дипломатических и торговых отношений и т. д. Любопытно, что в 1933 г., в период подема фашистских настроений, японские милитаристские круги отметили юбилей появления в японских водах эскадры России.

Промышленное развитие Японии, начавшееся в 60-х годах, было направлено по милитаристскому агрессивному пути.

тотарица Сталина привел нас к победе в войне с Германией, и германские войска были разгромлены.

Я думаю, что творческий отряд нашей интеллигенции вложит свою лепту в эту победу и советские писатели сделают все возможное для того, чтобы разгромить нашего старого врага.

Да здравствует советская интеллигенция! Да здравствует Красная Армия. Красный флот и наш гениальный вождь и полководец — Генералиссимус Сталин!

О. РЕЗНИК.

СПЛОЧЕННОСТЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Сегодня вся наша страна, все трудящиеся на собраниях и митингах выражают свое отношение к заявлению Советского правительства о том, что Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией.

Наше правительство объявило эту войну с целью уничтожения всех очагов военной провокации и агрессии во всем мире.

Мы хорошо знаем, что японская военизация вела бы давнишним врагом Советского Союза.

Очаг войны на Востоке — японский империализм должен быть уничтожен и чем скорее, тем лучше для народов всего мира.

Объявление Советским Союзом войны Японии вызывает в нашем обществе, в частности у литераторов, повышенный интерес к истории русско-японских отношений.

Промышленное развитие Японии, начавшееся в 60-х годах, было направлено по милитаристскому агрессивному пути.

Мир для всего мира увенчает подвиги наших героев.

казавший перед всем миром свою мощь, сплоченность и единство, в силах это сделать на собраниях и митингах выражают свое отношение к заявлению Советского правительства о том, что Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией.

Мы хорошо знаем, что японская военизация вела бы давнишним врагом Советского Союза. На нашей памяти — многочисленные военные столкновения и конфликты.

Очаг войны на Востоке — японский империализм должен быть уничтожен и чем скорее, тем лучше для народов всего мира.

Объявление Советским Союзом войны Японии вызывает в нашем обществе, в частности у литераторов, повышенный интерес к истории русско-японских отношений.

Промышленное развитие Японии, начавшееся в 60-х годах, было направлено по милитаристскому агрессивному пути.

Мир для всего мира увенчает подвиги наших героев.

1 стр. Положим конец японской агрессии! Митинг в Союзе советских писателей СССР. Выступления Н. Тихонова, А. Степанова, Самела Вургуна, генерал-майора Н. Гарнич, С. Маршак и О. Резника.

2 стр. Сто лет со дня рождения поэта Абая Кунанбаева. Н. Саурганбаев. Казахский классик. В. Шкловский. Книга назиданий. Абай Кунанбаев. Двадцать пять лет. Абай Кунанбаев.

3 стр. П. Павленко. Начало большой книги. Ад. Волков. Героика борьбы (к 60-летию В. М. Бахметьева). И. Сергеевский. Новое издание Кольцова. А. Бруштейн. В поисках человека.

4 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

5 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

6 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

7 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

8 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

9 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

10 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

11 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

12 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

13 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

14 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

15 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

16 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

17 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

18 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

19 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

20 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

21 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

22 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

23 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

1 стр. Положим конец японской агрессии! Митинг в Союзе советских писателей СССР. Выступления Н. Тихонова, А. Степанова, Самела Вургуна, генерал-майора Н. Гарнич, С. Маршак и О. Резника.

2 стр. Сто лет со дня рождения поэта Абая Кунанбаева. Н. Саурганбаев. Казахский классик. В. Шкловский. Книга назиданий. Абай Кунанбаев.

3 стр. П. Павленко. Начало большой книги. Ад. Волков. Героика борьбы (к 60-летию В. М. Бахметьева). И. Сергеевский. Новое издание Кольцова. А. Бруштейн. В поисках человека.

4 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

5 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

6 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

7 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

8 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

9 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

10 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

11 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

12 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

13 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

14 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

15 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

16 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

17 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

18 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

19 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

20 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

21 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

22 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

23 стр. Д. Кальм. Дневник искусств. С. Михалков. Будущие книги. М. Слободской. Сто мужчин и одна девушка. (Маленький фельетон). Информация.

Плакат художника М. Нестерова. Издательство «Искусство».

МИТИНГ ПИСАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

В Ленинградском союзе писателей состоялось митинг, посвященный историческому решению правительства. Митинг открыл Александр Прокофьев.

— Наша родина, руководимая великим полководцем, Генералиссимусом И. В. Сталиным, предстает, как активный враг мира против агрессора на Дальнем Востоке, против империалистической Японии.

Мы, писатели Ленинграда, присоединяем свой голос к голосу всего советского народа, с воодушевлением встретившего лютый мудрый акт советского правительства.

Да здравствует Красная Армия! Да здравствует великий Сталин!

Выступивший на митинге М. Сергеев охарактеризовал фашистскую Японию, как опаснейший очаг войны и вечную угрозу мирной жизни народов.

Митинг закончился горячими овациями в честь Красной Армии и великого вождя, товарища Сталина.

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ Мы все припомним японцам!

Этих немцев, пролезших в русскую армию, — весь бюрократический и архаичный стиль военного командования царской России привели к тому, что исход войны на Дальнем Востоке был неблагоприятным для нас.

В русской войне никогда не угасала память о тех тяжелых битвах. Гордость нашей армии и флота и национальное самодовольствие наше были уязвлены.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку. Японцы, стиснув зубы, замолчали и стали выжидать.

Россия и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

Япония и вместе с ней США и Англия энергично отпаривали эти предательские японскую попытку.

КАЗАХСКИЙ КЛАССИК

Н. САУРАНБАЕВ
Жотаны сать берго к хоту и крэгетер...
Чтоб не только в глаза, но и в души...

Во второй половине XIX века в общественной жизни казахского народа произошли крупные социальные изменения. Казахский народ оказался под двойным гнетом — царских колонизаторов и аульных феодалов.

Несправедливость и консерватизм местных властей возмущали поэта, несправедливость и темнота народа вызвали в нем размышления, полные глубокой боли и горя.

Литературная деятельность Абая, его жизнь полна тревожений, его мудрые поучения — все это раздражало и ослепляло его врагов.

В одном из своих стихотворений Абай писал:
У баб много пахучих и юрта хороша,
А бедный мещанин сам в степи, как ступа...

Пост не только сковал о судьбе баянка, но и указывал народу путь к облегчению его тяжелой доли. Он обучал широко распространенный среди баян обличить лишь затем учить детей русскому языку, чтобы потом они становились толмачами-переводчиками или чиновниками, которые помогали бы родителям в их развлекательных забавах.

В пример не ставит никто
Ни толмача, ни Шегина.
И в чем только мысль одна:
В алчавости и в томате.

Ратая за просвещение, Абай подчеркивал, что бедняки имеют такое же право на знание и образование, как и баи.

Казахстан чтит память своего поэта

Общественность Казахстана провела широкую подготовку к юбилею Абая. В областях были созданы областные юбилейные комитеты. В вузах, педучилищах, учреждениях, школах, домах партийного просвещения, лекториях, библиотеках читались лекции, проводились беседы, пленумы, учения жизни и деятельности поэта.

Казахский филиал Академии наук провел научную сессию, посвященную Абаю. Сессию открыл председатель президиума

Абай — мастер социальной сатиры. В своих сатирических стихотворениях «Наказание волостному ясылю», «Управление наместнику рода» и др. Абай бичует самозванство, проилов, эгоизм, ложь, чванство и бахвальство корыстолюбивых волостных, демемерных старшин.

Прекрасный знаток творений великих поэтов и мыслителей Востока — Феруан, Низами, Навои, Саади, Хафиза, Абая в ранних стихах и позднейших сказаниях-поэмах с благодарностью отзывается о своих волостных учителях, у которых он учился мастерству и поэтическому осмыслению окружающей действительности.

Абай перевел на казахский язык «Евгения Онегина» Пушкина, «Вадима», «Бородино», «Думу» Лермонтова, некоторые басни Крылова и др.

Благодаря его переводам, поэтически-обаятельным и звучным, казахский народ познакомился с произведениями великих русских писателей.

До Абая в казахской поэзии была сильна риторическая струя, значительное место занимали религиозные темы. Абай всем своим творчеством боролся за утверждение в литературе реализма, пытался обогатить литературу с жизнью. От поэта он требовал суровой правды и большого мастерства.

Стихи — жемчужины меж слов, в них бьется
Топот, из хора мира мушкетер припал.
На нежить они горны, да нежат слух,
Да бьют им унос и горд язык.

Афористичность и образность живой народной речи Абай ввел в обиход поэзии. Велика работа Абая в области стихосложения. Вместе с традиционными трех размерами, бытовавшими в казахской поэтике, он создает шестнадцатый новых стихотворных размеров, обновляя ритмику стиха.

В поэзии Абая была истинным борцом. На свою поэтическую деятельность он смотрел как на служение народу, выявляя:

Не жди забавы и славы стая,
Не выискивай напоказ стих.
Лет мотавка с шумом и дуной,
Лет мотавка с шумом и дуной.

Вера в будущее придавала его гневному и скорбному поэту жизнестойкость, содержание которого одна так близка и созвучна нашей эпохе. Произведения Абая надобно наставлять и пожеланиям, обращениям к народу. Вера в могущество своего слова, он обращается к потомству:

...В пример не ставит никто
Ни Толмача, ни Шегина.
И в чем только мысль одна:
В алчавости и в томате.

Великий народный поэт Абай Кунанбаев в казахской литературе — последние вершина большого горного хребта. И поэты советского Казахстана справедливо видят в нем своего великого учителя и друга.

Казахским государственным издательством в Алма-Ата выпущен большой сборник «Абай» (объемом 40 листов).

Филиал Академии наук М. Горьев, Доктор Филологических наук Н. Сауранбаев организовал митинг-лекцию Абая и открыл большие заслуги Абая в обогащении казахского языка. Проф. М. Ауэзов в своем докладе «Абай и классическая литература» подчеркнул, в какой степени были восприняты Абаем традиции русских классиков, в особенности Пушкина и Лермонтова. Были также заслушаны доклады научных сотрудников А. Маметовой, Е. Исманова, Х. Жумалиева, М. Сильченко и др.

Абай и классическая литература

Филиал Академии наук М. Горьев, Доктор Филологических наук Н. Сауранбаев организовал митинг-лекцию Абая и открыл большие заслуги Абая в обогащении казахского языка. Проф. М. Ауэзов в своем докладе «Абай и классическая литература» подчеркнул, в какой степени были восприняты Абаем традиции русских классиков, в особенности Пушкина и Лермонтова. Были также заслушаны доклады научных сотрудников А. Маметовой, Е. Исманова, Х. Жумалиева, М. Сильченко и др.

АБАЙ КУНАНБАЕВ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но для начала их надо обучать родному языку, грамоте и самым обыкновенным знаниям. Для арабского и фарсидского языка надо иметь богатство. Как голодный человек сохраняет разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?

Если сможешь приобрести благосостояние и будешь сит, то тогда появятся потребности в науках и искусстве. Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских.

Для того, чтобы избежать пороков и дождаться добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества.

Невежеством человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который подкаст его по плечу.

Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Коли ты получишь его — жизнь твоя обогатится.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, воруют при помощи русского языка пожитки за счет других казахов. Не имей такого изобретения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты это достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то мы станем сильными и равноправными.

Правда, до сих пор из среды казахов детей, знавших русский язык, не выросло еще выдающегося человека.

Это потому, что эти дети портятся своими родственниками, родителями и близкими людьми. Но и сейчас они лучше необученных.

1894 год.

Поэзия — властитель языка

Поэзия — властитель языка. Из камня чую высекает гений. Теплет сердце, есит речь легка. И слух ласкает красота речений. А если речь пелна засорена Словами, чуждыми родному духу, — Такая песня миру не нужна. Неведжам голое люб дурному слову.

Коран с хадисом слыны вяжу слов, В них мысль узрюю впадена в реченья. Когда б не рифмы, не сложили стихов — Пророки бы молчали без соменья.

Молчалиишь в мечети мудрый муж, Ученые, чьи в полночь ладны споры, — Все любят красноречие. Кому ж Не люблю ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно, Но лишь избранным венчают славою, Того, чей мысли золотой лано Блистают стиха серебряной оправой.

На старых биве ныне погляжу: Пословицами речь отголоски. Иных певцов глумцами нахожу — Из мусора стихи они салаги.

В толпе с кобылом пел и с дымбар, Хвалиди всех, скитались по дорогам. Бродили пошарьяками порой, Позоря песню, проклятые богем.

Брогая за жарочу рсточал Душевный шаг свой, тега встречных лествю.

1887 г. Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

В. ШКЛОВСКИЙ КНИГА НАЗИДАНИЙ

Для старой русской литературы Казахстан был страной кочевников, живущих своим, нам непонятной жизнью. Для Джарнак «Киргиз орда» — блестящая декорация, условная страна Востока. Друг Грибоедова В. Ушаков, герой 1812 года, написал в 1830 г. роман «Киргиз Кайсак». В этом романе рассказывается, как случайно сын русского казака и русской киргизки стал блестящим русским офицером, как он впоследствии отказался от него, был отвергнут родителями и погиб на войне.

В книге есть превосходные картины Казахстана, дающие, как смутные воспоминания мальчика. В романе есть твердое убеждение равноценности народов. Это благородная книга, но в ней оптимизм Казахстана дан, как блестящая декорация, так, как давали Кавказ романтики.

Казахские степи были показаны и Фадеем Булгаковым в романе «Иван Выжикин». Степи Булгакова — это места, где можно научиться хорошо ездить на конях и разбогатеть, приобрести дружбу храброго и наивного народа. Это Казахстан, увиденный глазами колонизаторов. Реального Казахстана в русской литературе мало. Может быть, ближе всего подошел к этой теме Даль в повести «Букей и Мавчей». Простоявшему мы узнаем Казахстан из литературы самих казахов.

Великий казахский писатель Абай Кунанбаев писал, что на свете два миллиарда людей, среди них два миллиона казахов. «Нет у нас ни городов, ни людей, знающих мир. Неужели мы так и останемся ничтожнейшим среди народов человечества?» Абай так упрекал свой народ потому, что он в него верил. Казах не имел городов, но они имели свою литературу, живую, развивающуюся, сложную и злободневную. Мы имеем степи, на месте старых родов, на месте власти султанов появилась власть богачей.

Борьба на выборах волостных старшин друг с другом, баи подкупали людей, старались унижить противника. Лучшие люди Казахстана боролись с этим. В борьбе погиб Валиханов. Абай по рождению принадлежал к людям, которые официально назывались белой костью. Он был из младших сыновей богатого и влиятельного султана Кунанба. Литературное благосостояние было обеспечено для Абая Кунанбаева. Раню он овладел мусульманской наукой, узнал арабский, узнал русскую литературу, увлекался произведениями Сократа. Абай увидел мир, но был человеком, который видел два миллиона казахов, не теряя за степями из виду, что существуют два миллиарда людей, составляющих человечество. Абай избегал опасности быть националистом. Часто называют Абая пессимистом. Лев Толстой говорил, что красное можно изобразить только зеленым, показать красное на фоне зеленого. Абай писал всегда о счастье и добивался для своего народа счастья. Но для того, чтобы увидеть счастье, для того, чтобы вести караван народов к счастью, он говорил о горьком.

Книга Абая «Гаклия» — книга назиданий. Начата книга Абаем, когда ему было 45 лет. Абай писал: «Прожитая жизнь — спорил, боролся, судился и вот обессилел, устал и убедился в бессельности всего сделанного». Абай не знает, как править народам, он не знает, что для него умирать стало. Он не знает, как ему жить. Потому что «без народа нет и жизни». «Кабала пала в том, коль разложись в пустыне степи и счастлив рдлом с ним, имел ашши в руке». «Если нет людей, с которыми можно поделиться горем и радостью, то сама наука — только горе, и она ускоряет старость».

Но Абай нашел дорогу. Он начал писать. «Если найдется человек, который увидит здесь нужные для него слова, то пусть он вышлет слово и сделает его делом».

«Назидания» Абая дошли, но не оказались продаваемым ситца в пустыне. Посмотрим же, как он хотел переделать жизнь своего народа. И перед ним был вопрос: как, какой силой изменить судьбу народа? Но он узнал, что есть такая сила. Это сила самого народа. Сместить обличья, требовательности к жизни учился Абай у русской литературы, и Абай сам стал учителем жизни.

Он говорил, что даже любовь к своему народу надо подчинить разуму. Любовь не должна быть слепая, любовь должна быть требовательная... Абай говорил: «Только тот, кто соединил разум с отвагой, обуздал страсти и будет управлять ими, как укрощенными конями. Иначе они станут источниками порока и, как забвешившие лошади, унесут человека с дороги, сбросят его на землю, и будет сидеть человек на земле, разбросав помы халата и оглядываясь в унижении».

Абай остался в литературе потому, что он всегда шел вперед, потому, что он более дорожил будущим, чем настоящим.

АБАЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К юбилею Абая Кунанбаева Гослитиздат выпускает сборник произведений великого казахского поэта «Избранное». В сборник вошли лирические и философские стихотворения, послания друзьям, гневные сатиры, эпиграммы и поэмы. Проза представлена в сборнике оригинальными «наставлениями» («Гаклия»), в которых Абай раскрывается как гуманист-философ, преследующий одну цель — счастье казахского народа. Книге предпосланы предисловие Л. Соболева и обстоятельная статья М. Ауэзова.

Над первым изданием стихов Абая (1940 г.) работала большая коллекция переводчиков. Многие из переводов первого издания включены в «Избранное», некоторые переводы для нового издания подверглись тщательной переработке, несколько стихотворений переведены наново. В переводах принимали участие А. Глоба, С. Липкин, М. Тарловский, М. Петровых, В. Звягинцева, В. Рождественский, П. Карабан и др. Редактор сборника — Л. Соболев.

То, что проповедал де Вото не получила достойного отпора от представителей американского критического реализма, следовательно, вероятно, объясняет насильственным американской литературы, о котором мы говорили, и близоруким отстремлением «литературной» обскурантов. Хотя де Вото был назван в печати «самонадеянным болваном и «напущенным жецком», однако аргументы де Вото при всей их несостоятельности все же требуют контраргументов, теоретического и исторического опровержения.

Несмотря на свою агрессивность, консервативная критика в США едва ли может рассчитывать на большой успех.

Требовать в 40-х годах XX столетия от писателей, чтобы они забыли о существовании социалистических идей, можно, вероятно, не в большом успехом, чем можно было бы требовать от финансов и хитиков после Лавуазье, чтобы они остались при теории флогистона.

Оптимизм — мощный стимул искусства, и счастья та литература, оптимизм которой оправдан жизнью. Существует и хорошо известна такая вещь, как «казенный оптимизм», пользы литературе он не приносит. Обосновано — положительное отношение к действительности рождается из самой действительности. Не так давно американский критик Клиффорд Фэдден, рассматривая перспективы развития американской литературы, писал, что ее ближайшее будущее зависит от исхода войны и последнего устройства мира. «Если это будет второй Вердаль», — писал Фэдден, — у нас должно быть, снова возникнет литература разочарования, как это было в 20-х годах». Нужно признать, что это замечание не лишено остроты и здравого смысла.

Полноценная серьезная литература не может не исходить из реальных фактов жизни. Она может делать все, что ей вздумается, — это не исключает влияния на литературное развитие. Если же американская критика будет требовать от своих писателей изоляции от действительности, несообразно с фактами, то, как это не трудно предугадать, многие из писателей покинут поле социального романа и уйдут в так называемое «башню из слоновой кости». Об этом, видимо, и говорит последняя книга Стейнбека.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ В США

В «Так мало времени» Джона Маркэнда, недавнем американском романе, посвященном жизни художественной интеллигенции, имеется интересная характеристика настроения американской интеллигенции накануне второй мировой войны. Вместе с главным героем романа, драматургом Джеффри Уилсоном, читатель входит в апартаменты модного нью-Йоркского издателя, где собрался журналисты, драматурги, поэты и другие причастные к литературе люди.

«Люди в этих комнатах были просто странной истерии. Это были культурные люди, интеллигенция перед лицом кризиса... Они двинулись к кризису, хорошо чувствуя это движение, но не будучи в силах изменить что-либо хоть на йоту. Они были людьми в гостинице с первых ступеней «Войны и мира», тащившим у Теккера кануны Ватерлоо, рстими Петруния и Кавказом». Они были интеллигентней, двинувшейся неудержимо по направлению к великому, и то, что они знали об этом, усилило их страхом, в котором они не желали признаться...».

Хотя фаталистический тон этого описания в некоторой мере элемент характера персонажа, которому оно принадлежит, но достаточно смело исследователем жизни своей страны. В написанной и начатой войны повести «Луна зашла», где изображается истерия наивных в одну из европейских стран (предположительно Норвегии), Стейнбек берет себя так, как если бы анализ общественной жизни остался для художественной литературы неразделенной тайной. Фадден, с одной стороны, и буржуазная демократия, с другой, представляются в повести как некие абсолютные силы зла и добра; маневрируя, выполняющие роль персонажей, провозгласившие свои идеалы в этом смысле. В искренности антифашистских взглядов автора не приходится сомневаться, и книга не лишена некоторых художественных достоинств, но

признания американского социального романа они были вынуждены замолчать. Славя американскую литературу составили Драйзер и его друзья, а лишь консервативные и малопопулярные писатели. В 30-х годах американский социальный роман обогатился новыми именами и сделал новые важные завоевания.

Когда война в Европе уже началась, а Америка переживала период предвоенного брожения, консервативные элементы в американской литературе заметно осмелели. Спекулируя на приближающейся войне с гитлеризмом, они заявляли, что американский народ морально разоружен в предстоящей ему борьбе по вине влиятельной группы писателей левого направления, которые своим пессимизмом и несправедливыми нападениями в течение ряда лет ослабили его веру в буржуазную демократию, за которую ему предстоит сражаться.

Хотя демогогический характер этого тезиса был как будто бы достаточно ясен, он произвел весьма сильное, мы сказали бы «сплетническое», действие на многих из писателей, против которых было обращено обвинение. Некоторые из них предлись самобичеванию и наивно поклялись в будучи бо совершении грехов, а другие решили «умиротворить» своих противников, сблизив свои позиции с их позициями. Эту рискованную задачу взял на себя виднейший американский критик и историк литературы Ван Вик Брукс, в прошлом крупный идеолог «людей двадцатых годов», исторически обоснованный в своих книгах о Марке Твене и Генри Джеймсе необходимость создания в новейшей американской литературе школы строго критического реализма. Ван Вик Брукс решил пойти на кое-какие теоретические уступки, сменить некоторые «жесты».

В публичной лекции «О современной литературе» и затем в «Суждениях Оливера Облоня», где он попытался сформулировать обобщенный взгляд на современность, Ван Вик Брукс поставил на обсуждение спорные вопросы развития американской литературы. Он поднер острей критике негативным и пессимистическое направление новейшей западной литературы и привел американских писателей к созданию оптимистического и утверждающего литературного искусства. Критические замечания Ван Вик Брукса по адресу таких «корифеев», пессимизма и декаданса, как Джей и Т. С. Элиот, были достаточно убедительными и справедливыми, но он след уступкам поставил в один ряд с этими писателями своих недавних соратников — Драйзера и Хемингуэй, заявив, что и они удерживают в своих произведениях, что жизнь — это «тепкий тупик» и «дурная штука». Далее, обсуждая проблему положительного осценки американской критики, Ван Вик Брукс со всей силой своего

авторитета, не разбирая правых и виноватых, нанес удар по литературной молодежи, критически относящейся к американской действительности. «Несколько лет тому назад, — пишет он, — я работал рецензентом в издательстве и ежедневно просматривая рукописи молодых писателей и писательниц из провинции. Казалось, эти молодые люди не могли простить своему родному городу того, что они в нем родились, и спешили выследить мизу, какую отвратительным, живым и грубым был окружение, в котором они выросли. Я думаю, наше поколение писателей будет знаменито тем, что каждый из нас ненавидел, часто без всякой реальной причины, свой родной город». В заключение Ван Вик Брукс призвал американскую литературу «укорениться» в родной почве, меньше искать в жизни недостатков и внимательно вглядываться в ее достоинства.

Ван Вик Брукс не остался одинок. Его поддержала группа критиков и публицистов, в числе их — его ученик, очень видный американский писатель по вопросам культуры, Джон Мэмфорд. Новое направление получило за свою «сплошность» наименование «нового американизма».

Однако, если Ван Вик Брукс и его единомышленники думали, что умиротворят противников критического реализма, выдвинув на расправу Драйзера и совершив другие уступки, они очень скоро увидели, что ошиблись. Умиротворение агрессора путем уступок приносит один лишь горькие плоды. Консервативная критика, с удовлетворением отметив, что отдельные представители «литературы 20-х годов» признали свои «грехи», перешла немедленно в атаку по всему фронту. Весь американский критический реализм 20-х и 30-х годов — господствующее направление в американской литературе между двух войн, — был объявлен «заблуждением». Все его выдвинувшие представители были подвергнуты поруганию, не был пощажён и Ван Вик Брукс.

Эти нападки получили обобщенное выражение в серии лекций консервативного критика и историка литературы Бернарда де Вото, вышедших затем отдельной книгой под названием «Заблуждения литературы».

«Не было примера ни в одну эпоху, ни в одной стране, — заявляет де Вото, — что бы писатели (т. е. американские писатели 20-х и 30-х гг. — А. С.) до такой степени логично рисовали окружающую их жизнь, чтобы единственно заблуждались. Не было примера, чтобы писатели были в такой мере отвлечены от жизни, которая дает силу и достоверность художественному творчеству... Американский народ не был тем, чем его изображали эти писатели. Только люди, погруженные в эстетическую теорию и чуждые до плечевой потери связи с традицией своей страны, могли рисовать подобные картины». Ярость и высокомерие критика все более возрастает: «Когда в далеком будущем историки будут давать оценку американской культуре

Героика борьбы

А. Д. ВОЛКОВ

К шестидесятилетию
со дня рождения
В. М. Бахметьева

В. М. БАХМЕТЬЕВ

Добролюбов определял талант как способность чувствовать и воспроизводить истину. Творчество Вл. Бахметьева подтверждает это. Он твердо убежден, что настоящий художник силен правдой. Этому учит великая русская литература, учит большевистская партия, обращающаяся в своей практике к глубокому знанию действительности.

Десять лет на родине, в Воронежской губернии, он принимает участие в революционной борьбе. На 24-м году жизни он вступает в большевистскую партию. Университеты Вл. Бахметьева — это работа в подполье, тюрьма, ссылка, вооруженная борьба за советскую республику, социалистическое строительство.

Литературная деятельность Вл. Бахметьева идет параллельно с революционной работой. В 1915 году его повесть, высоко оцененная М. Горьким, появляется в египетской печати. Большой популярностью он достигает в советский период. Вышедший в 1928 году роман «Преступление Мартина» переиздается 12 раз. Роман обсуждают на диспуты и читательских конференциях.

Рассказы Вл. Бахметьева входят в хрестоматии, переделываются в киносценарии, включаются в школьные программы. Общий тираж его книг на русском языке перевалил за миллион. Книжки его переводятся на английский, французский, чешский, китайский и другие языки.

В рассказе «Мать» Вл. Бахметьева рассказывает об удивительной истории о подвиге. Но почему эта история о далеком дореволюционном прошлом так заинтересовывает нас? Почему вы сегодня, не отрываясь, читаете этот рассказ о женщине, вынужденной всеми обстоятельствами расстаться с ребенком, бросить его и все-таки не растоявшись с ним, спасающей его? Потому что в реалистических подробностях писатель показывает душевную силу русской женщины. С потрясающими проявлениями этой силы мы особенно часто сталкиваемся в годы Великой Отечественной войны...

В рассказах и в особенности в романах Вл. Бахметьева женщина занимает видное место, как активный творец истории, мастер труда. Бармалева из рассказа «Воскресение», Зина Синицына из романа «Преступление Мартина», Анна Рудакова из романа «Наступление» — это образы новой женщины, рожденной революцией.

Язык Бахметьева поэтичен, богат меткими определениями. Говоря о бегущих из ссылки героях, вынужденных не нарушать молчания (роман «Наступление»), он применяет, например, к такому сравнению: «каждый из них — голый был бесновитый здесь людям, как облезли на стенах их жилища от фонарей поездов, как далекий огонь, падающий над ними в звездном небе».

С большой точностью передает Вл. Бахметьев тяжелую судьбу двух крестьян Понкрата и Александра («Сухой поток»), пересыпая их рассказы прибаутками и мудрыми присказками говор рабочего (Артюшка Кузьмин), сложную речь интеллигента (проф. Махов), политического деятеля (Черноголова). Знание народа и его языка открывает ему путь к тонкому и точному изображению внутреннего мира человека. Достаточно указать на анализ душевного кризиса Мартина Баймакова в романе «Преступление Мартина».

Молодой большевик Баймаков мечтает о героических подвигах. Будучи назначен командиром взвода задержанных в тыл женщин и детей, он оказывается недостойно внимательным к своим обязанностям, какущимся ему негероичным. Среди задержанных происходит паника, Баймакову кажется, что в этом виновата его небрежность. И хотя он с неохотой признает свою ошибку, тут же на месте, он не может простить себе свершившегося. Временная слабость, на которую другие легко махнули бы рукой, служит Мартину поводом для строгого пересмотра своей морали и своего поведения.

Острота, с какой Мартин переживает свою ошибку, характеризует исключительную требовательность писателя.

В «Преступлении Мартина» запечатлена борьба за нового человека, за внутреннюю честность и несгибаемое чувство долга перед народом. Этот роман воспитывает в читателе патристическую совесть, требовательность к себе и умение сочетать волевой размах с пониманием значения будничных, небольших дел, от которых люди нередко

отмахиваются, презрительно называя их «мелочами», а затем жестоко платится за это.

Противоречия, движения, кризисы и становление мыслей и чувств, борьба старого и нового человека угадываются и тонко изображаются Вл. Бахметьевым.

В его произведениях дана яркая портретная галерея прежде всего представителей русского рабочего класса и его авангарда — большевиков, действующих в обстановке революции, гражданской войны и социалистического строительства. От Артемюшка Кузьмина из рассказа «Сухой поток» к образам машиниста Гаврилова и его помощника Русанова из рассказа «Железная трава», к тугиловским Англическим, к семье Зотовых из романа «Наступление» писателем пройден трудный, но плодотворный путь в изображении человека труда, ставшего активным творцом истории.

«Героем наших книг должен стать труд», — заветная Горький. Сделать труд героем книги — задача, к разрешению которой стремятся переводы советские писатели.

Труд и человек труда стоят в центре творческого внимания Вл. Бахметьева. Он показывает, как ярко искрится своеобразием и талантом личность, раскрывающая себя в борьбе и труде, как разнообразно оленен русский рабочий человек, сколько в нем сил, энергии и возможностей. Писатель рисует представителей партии в кровном единении с рабочей массой. Таковы сильные и правдивые образы Черногорова («Преступление Мартина»), Вегина, Крониды Деметьева, Тита Шенова («Наступление»).

Герой романа «Наступление» Никита Глотов говорит о себе: «...я привык к тяжести моей человеческой доли, грозной своей ответственности за будущее... Какое счастье... какая боль быть человеком». В этих словах — пафос творчества Вл. Бахметьева. Сила его героев именно в их человечности, в осознании ими великой ответственности за всех людей.

С любовью изображает Вл. Бахметьев рядового героя, о котором на приеме героев Отечественной войны так тепло говорил товарищ Сталин.

Особо следует сказать о последнем, самом крупном произведении Вл. Бахметьева — романе «Наступление». Первая книга двукратно переиздавалась Гослитиздатом. Со второй читатель пока знаком только по журналу «Красная новь» (1938, 1939, 1940 гг.). Над третьей, последней, частью писатель работает в настоящее время.

«Наступление» — произведение о революции и гражданской войне. В романе показана сложная жизнь огромного заводского коллектива, в котором, однако, ярко обозначена каждая индивидуальность (Никита Глотов, Анна Рудакова, Башилев Карпичев и др.), а также интеллигент провинциального города (Шахов, адвокат Ноланд и его сыновья, эсер Герасим, Лебедев,

дежидеиц Тышко-Судакоский, земец Драверт и др.).

Роман «Наступление» — одна из тех книг о прошлом, герои которой ощущаются, как люди сегодняшнего дня. Можно угадать, как вели бы себя те или иные герои в условиях Отечественной войны, настолько они живые, типичные.

Один из героев романа так говорит о большом периоде своей революционной работы: «Борьба... была тем более трудна, чем менее мы могли рассчитывать на любовь и атаку. О, если бы можно было полагаться здесь на одну лишь отважность! Но что стоила любая отвага там, где требовалась особая, боевая предпримчивость, умение маневрировать, держать себя в руках при любых обстоятельствах».

И мы вынуждены, как воспитывалась воля и отвага в людях, которые путем борьбы и побед, напрягая все силы своего ума и сердца, строили социалистическое общество.

Самая опасная борьба, самые трудные моменты никогда не лишали их мужества, той веселой отваги, которая столь характерна для русского человека.

Так токарь по металлу, подполковник Глотов, говорит о себе: «Никогда не забыть мне удивительного этого времени, наполненного работой, в которой всякая неудача отличалась ценою жизни... Между прочим, в недалекий этот срок, в двадцать каких-нибудь дней, многие из нас научились оставаться веселыми в самые критические моменты».

«Наступление» — эпопея о героическом русском рабочем классе. Показать исторический размах и сложность первого этапа борьбы за советскую родину, за новую жизнь и нового человека, показать железную поступь великого наступления — таков замысел этой эпопеи.

Ценку слугу капитализма Вл. Бахметьев изображает в романе разносторонним, с трезвым прозаическим реализмом. В результате революции заводчик Фюкин уходит со своим капиталом. Но и отсутствующий, он не собирает даже себе зятья. Он открывает наступление контрреволюции, то черной работой предательства, то всякого рода пережитками в быту и в психологии людей.

«...Только с годами смог я оценить со всей трезвостью силу Фюкина, — читая мы в романе, — и... всю трудность борьбы с ним... Он промчал к нам всюду... Он нахаживал брата на брата, он скрупулом детей и уже в раннем возрасте осклабил им зрение, высасывал у них волю к сопротивлению... И если ему хватало для нападения собственных сил, он вербовал эти силы, где только представлялась ни перую возможность, не останавливаясь ни перед географическими границами, ни перед границами подлости».

Во второй части романа, написанной еще до войны, Вл. Бахметьев указывает и на географические границы, с которых следовало ждать нападения этого врага, — на Германию. Один из русских слуг капитализма Фюкин — Аркадий Ноланд — говорит: «Не нравятся мне кистельский социальный либерализм. То ли дело немец! Тут и первый — что надо, и сантиментов никаких. Я в немца верю».

«Наступление» — одно из тех произведений, которое предостерегает от благодушия, призывает к бдительности.

Многообразны, сложны способы и формы борьбы, огромны ее размах, велик героический и самый смерть, неустанно трудясь, переходя от одной формы борьбы к другой, закаляя волю и совершенствуя выучку, ведет свое наступление великий советский народ.

«На своих плечах мы несем не шуточную поклажу — все человеческое будущее», — говорит в «Наступлении» Никита Глотов.

Сколько раз в годы Отечественной войны мы думали эти словами о благородной роли советского народа в этой войне!

Автор многочисленных рассказов о рабочем классе и крестьянстве, создатель популярного романа о формировании героя нашего времени и монументальной эпопеи, строгий и требовательный художник — таким приходит Вл. Бахметьев к своему 60-летию. Много любви к человеку, к родной своей земле вложил он в свои произведения, радушие нас глубиной и человечностью писательского таланта.

В Литовском государственном издательстве вышло издание сборника литовских народных сказок. На обложке — картина из книги.

И. СЕРГИЕВСКИЙ

Новое издание Кольцова

В новом издании стихотворений Кольцова читатель не найдет не только многих ранних опытов Кольцова, но и целого ряда стихотворений периода его творческой зрелости. В то же время издание не является антологией наиболее совершенных произведений поэта, — таких, которые прочно вошли в золотой фонд русской классической литературы. Критический отбор не оговорены и не мотивированы. Раскрыты их, исходя из текстового материала сборника, также не представляется возможным. Какими соображениями руководствовался составитель, включая в сборник одно стихотворение и подвергая остракизм другое, часто остается просто непонятным.

Составитель ограничивается одной фразой: «В книгу не включены преимущественно ранние стихотворения и некоторые думы». Фраза эта не вполне верна, так как бы ни толковать ее, действительности она не соответствует. С одной стороны, какие-то образцы ранних стихотворений Кольцова в сборнике все же представлены, и даже — не так уж бедно: стихотворения 1827 года 1828-е полностью, из семи стихотворений 1829-го — пять, из двадцати девяти стихотворений 1829 года — девять, из двадцати восьми стихотворений 1830 года — восемнадцать. С другой стороны, из стихотворений позднейших лет оказались исключены не только «некоторые думы», но и ряд стихотворений, к жанру «дума» не относящихся: «Соловей», «Видение Навды», «Исповедание», «Еще разливай волшебных звуков», «Вольф страдания», и т. д. Составитель, конечно, может возразить, что стихотворения эти художественно слабы, что отсутствие их в сборнике не обедняет того объема представлений о поэтическом облике Кольцова, которое можно получить читателю в результате знакомства с сборником. Но в таком случае все издание надо было строить иначе, — именно как сборник, а не как полное собрание минус то-то, и то-то и то-то.

Для широкого читателя не обязательны сведения о месте и времени первоначальной публикации того или иного стихотворения. Но если комментатор старается, где возможно, установить биографические факты, послужившие поводом к написанию того или иного стихотворения, — это закономерно. В отдельных случаях оправдана цитация высказываний классиков революционно-демократической критики о том или ином стихотворении. Есть, например, у Кольцова стихотворение «Коса», — достаточно известное. В комментарии о нем сообщается, что впервые оно было напечатано в «Телекопе» за 1835 год, а дальше приводится следующая пространная выписка из статьи Добролюбова о Кольцове: «Ремесло прасоло отчасти приучило мальчика к действительной жизни, отчасти же сильно помогло сближению его с природой. В Воронежской губернии для выгона скота существуют, не так далеко от самого Воронежа, целые раскопанные, обширные степи. Там обыкновенно, во время лета, гулял скот, принадлежавший отцу Кольцова. Хозяин по временам навещал своего стада, чтобы сделать нужные распоряжения. И в эти поездки брал с собою и сына. Иногда ему приходилось оставаться там по несколько дней, и тут вполне пазнравилось и удовлетворялось поэтическое чувство мальчика. Он радостно восторгался в прозрачную даль широкой степи; прислушивался к простому говору временных ее обитателей — чмаков, пастухов; чуял своим сердцем живые впечатления и веселого говора птицы, и красоты весенней травы, и порывы степного ветра, — и все это превосходно умел изобразить потом в своих поэмах, но глубоких стихах». Высок такой читательский критический комментарий.

Воспитательная статья представляет собою переделку, с некоторыми сокращениями, статьи, предположительно полному собранию стихотворений Кольцова, изданному в составе большой серии «Библиотечки поэта». Она дает достаточно разрозненную характеристику творческого наследия Кольцова и его места в истории русской литературы.

В целом же издание является не только облегченным вариантом указанного издания «Библиотечки поэта», но и, к сожалению, вариантом ухудшенным.

А. Кольцов. Стихотворения. Гослитиздат. 1945.

Иллюстрация Е. Рачева к книге В. Васильевской «Минутка» (Детгиз).

П. ПАВЛЕНКО

НАЧАЛО БОЛЬШОЙ КНИГИ

Бывают книги, настолько полно и законченно выражающие свою тему, что, кажется, нет и не может быть уже никакой другой по этому же вопросу, — так подтопывают они все, что можно сказать в отношении проблем, ими охваченных.

Но бывают и другие книги, только еще открывающие новую тему, когда читателю мало сказанного, когда за каждой мыслью он ищет целый период, за каждой строкой — абзац, за каждой написанной страницей — следующую, страницу до конца, предложений, когда он сам невольно становится как бы соавтором читаемой книги, расширяя ее сообразно границам своего воображения.

Такой книгой представляется мне книга А. Кривинского. Русская военная литература необычайно богата и своеобразна, но, к сожалению, мало знакома, а в некоторых своих разделах и вовсе неизвестна широкому читателю, и почти А. Кривинского, решившего организовать свою тему путем кропотливых путешествий по нескольким столетиям русской воинской традиции, является и своим временем, и плодотворным, и безусловно необходимым.

Действительно, мы постоянно говорим о традициях. Но что это такое, эти так называемые традиции, из чего они складываются и как передаются из поколения в поколение?

Мы говорим о традициях Петра, Румянцева, Суворова, Кутузова, Ермолова, Скобелева, Брусилова, или — в другом ряду — о Петре, Ушакове, Соколовых, Корнилове, Нахичеве, Макарове.

Но если бы существовали только эти имена и не было бы других, промежуточных, связующих первоисточники традиции с живыми участками жизни, если бы Петре доводился Меншиковым, а Шереметьевым, а Суворов — Багратионом, Дилом Давыдовым и Кульневичем, то не было бы никаких традиций, ибо не было бы непрерывности явления, его, так сказать, поточности, ибо традиция — это неисконность. Без маленьких людей нет традиции. И доказывать и показывать это на именах и примерах — задача в высшей степени увлекательная.

Начав с задач узко практических, утилитарных, А. Кривинский не мог не увлечься грандиозностью и неисследованностью своей темы, но во многом ограничился лишь общими тенденциями, не имея, вероятно, возможности рассмотреть многое этой общности, которая подсказывает собой самый материал. «Традиция русского офицера» — удивительнейшая, талантливейшая, истинно научная работа исследователя. Это — либретто произведения, еще не написанного, а только как бы набросанного рукою темпераментного публициста. Во всяком случае, я именно так понял эту возбудившую меня книгу, — не как исчерпывающее изложение, а как intriguing обещание, подкрепленное ссылками на неисчерпаемые богатства русской военной мемуаристики.

Именно сейчас, когда А. Кривинский написал свой талантливый, но кое-где торжественный конспект, надо бы начать писать самую книгу, и, судя по конспекту, она безусловно станет настоящей книгой, как безусловно станет настоящей книгой хрестоматий героики каждого советского юнца.

Почему же книга А. Кривинского — конспект, и чего ей не хватает?

Совершенно естественно, что когда такая огромная тема, как традиции русского офицера, укладывается автором в 100 страниц, то можно назвать рецензируемую работу брошюрой, а самый жанр ее — популярно-научным, переказывающим в объеме и вкратце нечто гораздо большее, чем нам конкретно дано. Но книга написана горячо, темпераментно, умно, и не хочется, чтобы автор остановился только на этой «звездке боем», не хочется видеть его комплиментарно в это время, когда он может и должен стать самостоятельным исследователем. Он недооценил размах темы, а заодно и свои силы.

Некоторые объяснения, почему автор остановился на полпути, можно найти в предисловии генерал-майора Талеского:

А. Кривинский. Традиции русского офицера. Военгиздат, М., 1945.

«Ядром этой книги, — говорит автор предисловия, — являются очерки того же автора, напечатанные в «Красной звезде». Теперь ясно, что ядро не так уж отличается от всего плода, ибо того, что не печаталось в газете, в книге не так уж много, а кое-что из напечатанного в газете (и неплохого) в книге отсутствует».

Итак, книга сложилась под влиянием газетной практики и в свое время, очевидно, не была видна автору скова «материальной» широкой перспективе.

А книга, повторяем, начинается делом огромной агитационной и педагогической важности, она кладет начало своеобразному своду этических и моральных законов русского офицера с самого начала их зарождения. И если подойти к книге с этой точки зрения, — а ни с какой другой мы и не имеем права к ней подойти, — то в ней хочется бы видеть много, что либо вовсе опущено, либо отчеркнуто.

Прежде всего, вызывает крайнее удивление войсковые традиции нашего флотского офицера. В «Красной звезде», конечно, было необходимо углубиться в проблемы военного наркомата, но в отдельной книге, хотя бы и компактной, нельзя избежать разговора о первых русских военных моряках при Петре, о доблести офицеров флота при Ушакове, Нахичеве и Макарове.

Нельзя было опустить такой важнейшей главы в истории традиций русского флотского офицера, как его взаимоотношения с рабочими родин. Русские моряки в Италии, при Ушакове, или там же, в дни месинского землетрясения, — да одна только эта тема могла бы послужить материалом для целой книги о традициях флота и без моряков тема русской офицера за пределами родины» очень невелика в книге А. Кривинского, и непонятно, почему. А ведь он мог бы создать картину чрезвычайно интересную, богатую и, главное, — почти неизвестную широкой публике.

Далее мне кажется, что даже в рамках глав, намеченных самим автором, не использована еще одна богатейшая возможность — традиции офицеров русской национальности, с честью и славою служивших русским знаменам и восточных и западных долин в составе русской армии. Я уже не говорю о Багратионе. Автор мог бы познакомиться не только с историей, подвигами, а и с расширяющимся его сознанием. Небольшое место можно отвести еще 1812—1814 гг., когда русская армия пронесла свои боевые традиции от Бородино до Парижа. Все, что автор мог бы дать нам в этом разделе, было бы тем более интересно, что воспринималось бы в свете успехов Красной Армии. Традиции пропущено здесь переплетались бы с достижениями настоящего, образуя зримую и весомую проекцию между тем, что было и что стало.

В самом деле, стоит ли затевать разговор о традициях, если им нет места в нашем настоящем? Очевидно, традиции потому-то и вспоминаются, что они являются основой, фундаментом, истинно относящиеся к советской эпохе и представляющие много шагов вперед по сравнению с тем, что было некогда.

А. Кривинского впервые, насколько я помню, обращается и к образам художественной литературы в истории развития боевых традиций русского офицера, но автор делает это тоже бегло, непонятно, иной раз случайно и только потому, что пример лежит под рукой.

Но уж если намечен экскурс в литературу, так едва ли стоило обходить так тесно связанные себя с живописными этюдами русской армии и создавшие особый жанр, а именно историю полка и воинскую корреспонденцию. Здесь само русское офицериство выдвинуло на своей расцвете фигуры, чрезвычайно колоритные и показательные. Автор нашел бы чрезвычайно оригинальный материал не только у В. И. Немировича-Данченко, этого «Нестора» трех войн, но и у Гродекова, Куропяткина, Эсады, Зиссермана, в дневниках художника Верещагина и врача Пирогова.

Есть авторы, не имеющие права оставаться в стороне от традиции. В таком положении находится и А. Кривинский, автор «Традиций русского офицера».

Иллюстрация художника В. Коновалова к книге Н. Тихонова «Храбрый партизан» (Детгиз).

Иллюстрация художника В. Коновалова к книге Н. Тихонова «Храбрый партизан» (Детгиз).

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

А. БРУШТИН

В одной комедии Лабина Икс, возвратившись в Париж из Африки, где он женился на королеве дикарского племени, показывает друзьям фото своей супруги. «Разве в Африке есть фотографии?» — удивляются друзья. «Конечно, нет! Это сделал фотограф здесь, в Париже, с моих слов», — объясняет Икс.

Этот анекдот вспоминаешь, просматривая изданную на периферии «фронтового» продюжера первых лет войны. За тысячи километров от сражающихся армий, в тишине незатемненных комнат писатели изображают восточные походы с чужих слов, из вторых и третьих рук. Отсутствие собственного видения они восполняют добросовестными звуковыми описаниями: ухали бомбы, бухали орудия, ахали и бакали зенитки, грохотали пулеметы... Бесполодно было бы искать за этим шумовым джазом живого человека; в рассказах действовали механические существа. Авторы не понимали, что тем самым сводится на-нет вся героика. Ведь если герой — машина, не знающая страха, усталости или боли, то в чем же подвиг? На то и машина, чтобы работать безотказно!

С 1943 г. начинается поворот периферийных писателей к тыловой теме. Казалось бы, тут можно ожидать показа живого человека, — ведь авторы стали писать о том, что их окружает! Однако человек, с мыслью и чувством, появляется в произведениях этих авторов медленно, трудно и не часто.

В рассказе Г. Маркова «Смоленский гости» (сборник «Новая Сибирь», Иркутск) персонажи сделаны по принципу разукрупнения: взят один образ, как разрезает его дельные черточки так, как разрезает его глазками семенной картофель. Каждому персонажу дано по одной-две черточки,

иногда совсем мелких и невыразительных. Так, председатель колхоза Елисей Захарович дано лишь присловие: «Ну, и к шубе рука!» А старик-колхозник Прохорыч (о, это разнотравье, яко песок морской, потмовство деда Шукшара, — неумирающее Пафутычино и Дормидонтичино) наделен так «слеской»: «Фатерку, мужики, служилую понатуральнее найдите, — недаром за вас кровушку проливал!» Снеговоду Петрову Лексому даны от автора ржаная масть и кудлатость, а помощника его Грине стрижные волосы и веснушки. Несколько более подробно выписаны герои — Егор и Настя — почти лишены биографии. О Насте известно лишь, что ее муж убит в Финскую войну, а о Егоре сколько-то упоминают, что до войны он был заводчиком изоб-латорной и колхозным агротехником, — и все.

Кроме того, что Егор, демобилизованный после ранения уроженец Смоленщины, воспеивается добротностью сибирского черновика и искорючивает колхозников, да еще белоглазый фразан, что колхоз жертвует зерно для освобожденных районов, мы почти ничего о колхозе не узнаем. В центре рассказа стоит любовь Егора и Насте. Рассказ о любви — вещь хорошая, очень нужная сегодня. Но такой беспомощный рассказ, как «Смоленский гости», кого образует, кого зажмет высокой требовательностью чувства?

Заканчивается рассказ общим собранием, где колхозники, узнав, что Егор возвратился с Настей на свою Смоленщину, соревнуются в щедрости, складывая им «приданное». «Ну, вот, — говорит Насте Прохорыч, — раз тебе натурально крестьян, — возьми мою пеструю тетель».

«...Но тут с разных сторон посылаются: «Гниши, Груня, и от меня телку!» — «От меня, Груня, ову!» — «Шерсть на катанки, Груня, зашиши!» — «Груня, жбан меду не забудь!»

И под конец сам председатель колхоза,

Елисей Захарович, присоединяет от себя корову, удовлетворенно заключает: «— Ну, и к шубе рука!»

В рассказе Н. Устиновича «Вторая бригада» (сборник «Енисей», Красноярск), после ухода на фронт бригадира правление ставит на его место девушку Машу Дроздову. Это очень удивляет Машу («я и в поле-то по-настоящему не работала»), а председатель колхоза дает этому только такое объяснение: «Больше никому... И прибавляет: «Вот они, кадры-то... Недавно, пои, еще в кулак играли... И сразу — такое дело на плечи. Автор уверяет, будто эти слова произносятся, «ни к кому не обращаясь», но это неверно: они обращены к читателю и объективно ему задние рассказы — показать, как девушка, едва от кулак, становится во главе бригады, в труднейших условиях проносившей осенний сев.

Выполнено авторское задание, к сожалению, негероично. Автор всерьез поднимает трудность, преодолевается. Маша и ее бригада, но тут же сменяются их необычайно быстрым и благополучным разрешением. Копилы хитры и зашуплены, и вот — появляется новый рабочий конюх. Нет снуби, — старика и старухи чинят старую. Нет железа для ремонта инвентаря. — Маша организует сбор металлолома. Нет людей, — нашлись люди. Марфи сперва не хочет работать, — потом работает. Максимику сперва не соглашается возить семена, — потом соглашается. Даже трудность самой работы — тяжелого крестьянского труда — изображена, и читатель ее не понимает; уменьшена: хотя автор и показывает, что работа не сразу сворачивается до взрослых, но тут же, рядом, двенадцатилетние парнишки пашут без сучка и задоринки, — не так уж это, видно, тяжело, — может подумать читатель! Все увенчивается благополучным исполнением всеобщих желаний: сев закончили на день раньше срока. Костя попал в армию и добился любви Вари, к ин-

валиду Сергею ночью пришла Марфа и прижалась к нему горячим телом», даже делу Пахому удачно вправили ушибленную ногу. Словом, апофеоз счастливого конца, завершаемый колхозным обедом с блинчиками и «особенным соусом!»

В изданных недавно двух книгах Н. Устинович поразил читателей очень тонким ощущением природы. Жаль, что не обнаружил такого же зоркого глаза в отношении своей героини Маше Дроздовой. Маша — почти безлика, как, впрочем, и остальные персонажи «Второй бригады».

У Б. Костюковского есть стремление понять то новое, что родилось в человеческих отношениях за время войны. Этому новому посвящены рассказы «Родственники» («Новая Сибирь») и «На побывке» («Енисей»). В «Родственниках» автор пытается показать установление, как новое проявление, братства советских людей. Старик Копылов, потеря на фронте двоих сыновей, усыновил сиротку и горючо привязался к ней. Неожиданно возвращается отец девушки — демобилизованный, потерявший ногу и глаз. Как быть? Права его на ребенка — бесспорны. Но ведь и усыновитель, выхаживший погибавшую девочку, тоже имеет на нее какие-то человеческие права! Да и как отказать ее отцу, бесомощному инвалиду, который сам нуждается в поддержке и помощи? Разрывает этот узел старик Копылов, который говорит читателю Светлову: «Я тебе, Еким, так скажу, — ты оставайся у нас вместе с нами... Если мы тебе понравимся, считай нас за родных...»

Тут угрюмый, все время ерничавший инвалид, котискал в темноте своим руками рука об руку старика, и читатель усмехнется: все устроилось. Правда, старуха Копылова, сразу и готово, что усмыслил тот так — раз, раз, и созовет! — может быть, и не так просто. Но автор зажимает под всем сомнением, загибая Светлова тынуть пальцем в диалектическую землю рассказа: «— А все-таки хорошо в такое время иметь родных людей!» — говорит он.

Еще больше назидательности — в расска-

зе того же автора «На побывке» («Енисей»). Фронтовик Илья Макогонова уезжает на десять дней в отпуск на родину. Товарищи по полку напутствуют его: «Водоку полей, дувухк попей!» — а капитан Власик советует ему потанцевать на студенческой вечеринке.

Илья приезжает в родной город, и все кажется ему новым — и мать, и подружка детства Наташа, ныне стачаночка патронной завода. Новое — в том труде, которым живут люди в тылу. К сожалению, рассказ безнадлежно испорчен назойливыми подтекиваниями, которыми автор подгоняет своего читателя. Увидел Илья Наташу и думает: «Вот тебе и коньяк, и водочка! А такая Наташа тут делает для нас патроны, не спит, не досиает...» На комсомольском заводском воскреснике дежурит после работы пляшут в сапогах и валенках, — Илья усмехается: «Вот, дорогой капитан Власик, я и побывал на танцах!» Ночью Илья видит в окнах фабрики работающую женщину и немедленно подсказывает читателю: «Для нас работают... Тяжело людям, но никто не жалется... Вот так же и на фронте!» Недовольство автора к читательской сообразительности так велико, что даже рассказав достаточно ясно об отношениях Илья с Наташей, он считает необходимым еще пояснить в заключительной фразе, что «это пришла к нему его первая любовь». Бедный читатель, без этого указательного пальца он бы этого не понял!

Радостным исключением на довольно бледном фоне разрозненных здесь «близких» является рассказ А. Коженикова «Кони» («Енисей»). Главные его герои — животные. Но автор не пользуется их для бесновитого инкогнито, не прибегает он и к парадигмному присвоению животным чувств и мыслей человека. С замечательной наблюдательностью, проникновенной, умной, рассказывает он о своем герое — жеребенке Сарваске. Вот в хакасской степи, за Каменной Гривой, в косяке кобылиц, охраняемом вожаком

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Д. КАЛЫМ

Комедия Бориса Ласкина «Небесное создание», столь жестоко раскритикованная Н. Погодиным в его докладе о драматургии на последнем пленуме Союза писателей, появилась на сцене Московского театра им. Ленинского комсомола.

Вероятно, театр им. Ленинского комсомола основательно поработал вместе с молодым автором, помог ему изложить его первое драматургическое произведение. Что же, уст и хвала ему за это: результат показывает, что стоило потрудиться — спектакль получился не очень значительный, но в нем есть искренность, удачливость, жизнерадостность молодости, а это уже немало.

Одного театр все так же боится — ирригацию заголовок, он назвал свой спектакль «Школьные товарищи». Напрасно! «Небесное создание» звучало привлекательнее. И двойной смысл этого названия был бы оправдан, потому что и автору, и театру удалось с большой естественностью и непосредственностью показать, как женственные обаяние девичьей грации, своеобразные черты девичьей дружбы сочетаются в этих небесных созданиях, одетых в летнюю форму, с воинской дисциплиной, отвагой и мастерством самоотверженных воздушных защитников родины.

Это сочетание двух начал — «вечно женственного» и «сурово-воинского» — в спектакле ярче всего олицетворено в образах лейтенанта Кати Ермоловой и ее верного штурмана и закаленного подруги — младшего лейтенанта Тоси Говоровой. Арт. В. Серова в роли Кати подчеркивает стремление прославленной летчицы, привлекательной девушки, принять мужественный облик «заветного» фронтовика. Катя копирует жесты и повадки бывшего парня, заливается курит, прямо обрывает с красалом, когда ей предлагают спать. Но за этим внешне экстравагантными чертами зритель должен угадать в Кате натуру волевою, мыслящую, строго к себе и к окружающим. Эта внутренняя сущность образа меньше дается артистке.

Штурман Тосю Говорову талантливо играет арт. Н. Кутасин. Она с подлинным темпераментом показывает экспансивную решимость, всем сердцем преданную подруге и переживающую за нее все неприятности ее судьбы и ее любовь — едва ли не более бурно, чем сама Катя.

Сложная задача стояла перед исполнителем роли Павла Шарохина, школьного товарища и возлюбленного Кати. Павел принадлежит в распоряжение женского авиационного полка с секретным заданием — перелететь через линию фронта. Катя представляет себе Павла доблестным защитником родины, она была уверена, что, как и она, Павел совершает подвиги в битвах с немецкими захватчиками, наверное тоже награжден орденами, она искала его портрет в газетах... А он пришел в полуболевшем одежде, не только без орденов, но и без пояса — он путано объясняет, что был отослан в тыл, а сейчас собирается погостить у дяди, живущего неподалеку. Слово Павла, скрывающего подлинную цель своего приезда, вынужден играть перед Катей и ее подругами неблагодарную роль весьма никчемного парня.

Артист Д. Иванов хорошо оттеняет грани образа Павла Шарохина. Он тонко передает скрытую иронию Павла по поводу незнания и недооценки Катей истинного характера его самоотверженной боевой деятельности и рисует впечатляющий образ отважного, сдержанного и скромного советского юноши.

Смешит зрителя фигура инженера Хохлова, мужа одной из прославленных летчиц. Нужный в тылу специалист, он тщетно добирается назначения на фронт. В то же время государство и общественные организации настойчиво оказывают ему всяческое внимание и помощь, как семье фронтовика, ему даже выдают отрез на платье... Это унижает его мужское достоинство, и Хохлов пытается выйти из ареала славы своей жены, занять самостоятельное место в обороне страны. Энергичного инженера, попавшего в положение опекаемого «члена семьи» фронтовика, изображает арт. И. Лобозовский.

Спектакль, поставленный А. Вовси, не притягателен по своей идейной нагрузке, но он в доходчивой форме передает дух дружеской спайки советской армейской молодежи, ее сердечность и жизнерадостность.

Театр им. Ермоловой показал «Укрощение укротителя» Дж. Флетчера. Этот коллектив завоевал общие симпатии вдумчивой тщательностью своих постановок, от деталей спектакля, поисками подлинной театральности в волевыми сценами и живыми образами. Эти качества неизменно сосуществовали очень разнообразным работам Ермоловой — и «Как вам это понравится», Шекспира, и «Семье Кнейв», Пристли, и «Бешеным деньгам» Островского. Они есть и в новой постановке театра — в «Укрощении укротителя».

Но может ли эта тщательность, сугубая требовательность к себе оправдать невероятную медлительность театра? Ведь за последний год «Укрощение укротителя» — это лишь вторая постановка (первой была комедия Островского «Бешеные деньги»).

Нельзя не обратиться к театру и другой серьезный упрек: почему он не ставит советские пьесы на тему современности? Ведь творческий рост самого талантливого театра и его мастеров невозможен без современного репертуара, без пьес, отражающих идеи и события эпохи. Почему эта мысль не волнует высказывателей коллектива Ермоловой? Неужели упреки так ограничивают коллектив, выпускаемых им спектаклей и упорно предпочитая классику, следовало ли останавливаться сегодня свой выбор именно на Флетчере?

Этот актуальный мастер сюжетной интрижки по драматургическим приемам и стилю близок к Шекспиру. Но известно, что от своего великого современника он отличался тем, что разрабатывал не столько сложные проблемы жизни, сколько острые фабульные ситуации. У Флетчера нет ни философской мудрости, ни психологической глубины Шекспира. Он весел, остроумен, забавен — но не больше.

Очевидно, театр поставил перед собой narrowly развлекательную задачу, намеренно решая увеселить советского зрителя самими «сильнодействующими» средствами: поэти-

Плакат художника М. Несторов. Издательство «Искусство».

В ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ ССР СССР

Состоявшееся 8 августа заседание областной комиссии ССР по работе иркутской писательской организации.

Познакомив собравшихся с работами А. Ольжона, Г. Кунгурова, А. Кузнецовой, К. Седых, П. Малышевского и др., докладчица рассказала о работе областного издательства и о готовящейся к печати 16-й книжке альманаха «Новая Сибирь».

Выступившие в прениях А. Караева, А. Карцев, Н. Москвин и Е. Книпович отметили, что иркутская писательская организация проявляет все еще недостаточное внимание к современным темам, к жизни своего края и города.

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

ЦК ВЛКСМ принял постановление о проведении конкурса на лучший короткий рассказ. Рассказы должны быть размером от четверти до половины печатного листа, написаны на темы современной жизни и отвечать задачам коммунистического воспитания молодежи.

За лучшие рассказы, представленные на конкурс, устанавливаются премии: одна — 15 тысяч рублей, две — по 8 тысяч рублей, три — по 4 тысячи рублей.

Премии присуждаются дважды: 15 октября 1945 г. и 15 января 1946 г.

В жюри конкурса входят Н. Тихонов, В. Ильинков, В. Кожневиков, Б. Бурков, М. Котов, В. Першов, В. Жаунов, С. Крушинский.

Рукописи принимаются до 1 января 1946 г. Премированные рассказы будут опубликованы в «Комсомольской правде» и оплачены повышенным гонораром.

Новые материалы о Лермонтове

СТАВРОПОЛЬ. (От наш. корр.) В Ставропольском краевом государственном архиве обнаружены новые материалы о М. Ю. Лермонтове.

В одном из найденных документов — «Официальной ведомости о происшествии в Кавказской области в первой половине июля 1841 года», подписанной исполняющим должность гражданского губернатора председателем областного суда, между сделанными от руки записями о грабежах, пожарах и нашествиях саранги написано следующее: «Убийство».

В Пятигорске уволенный от службы из Гребенского Кавказского полка майор Мартынов и Тенгинского полка поручик Лермонтов в четыре вечера от города уехали в долину, горы Мамыки, имея дядьку на которой Мартынов ристолетным выстрелом ранил Лермонтова в бок навзлет, отчего он умер».

Для лермонтоведов небезынтересны содержащиеся в найденных документах подробный материал о жизни на Кавказских Минеральных Водах в период пребывания там поэта, о близких родственниках Лермонтова, его пятигорских знакомых, послуживших прототипами некоторых героев его литературных произведений. Вновь найденные архивные материалы войдут в фонд Пятигорского литературного музея имени Лермонтова.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

ЧКАЛОВ. (От наш. корр.) Независимо закончился литературный конкурс, объявленный в конце прошлого года областным Советом депутатов трудящихся и проведенный при участии областного отделения ССР. На конкурс поступило свыше 200 рукописей (очерков, рассказов, стихов, пьес).

Однако даже лучшие из представленных произведений, по мнению жюри, не отвечают всем требованиям, которые предъявляются сейчас к художественной литературе, и потому жюри конкурса воздержалось от присуждения первых премий.

Вторые премии — вручены А. Возняку за поэму «Возвращение» и Н. Клементьеву за пьесу «На перекрестке». Оба эти произведения приняты к печати Областным издательством. Некоторые из премированных рассказов, очерков и стихов публиковались в областной газете «Чкаловская коммуна» или перепечатывались по радио.

Помимо работ, удостоенных премий, жюри отметило некоторые произведения других участников конкурса.

Издательская неряшливость

Детские до войны приняла издание собрания сочинений Диккенса и успел выпустить четыре тома. Первые два тома выложены в конце прошлого года областным Советом депутатов трудящихся и перепечатаны по листам.

В том же издательстве выходит «История английской литературы». Первый выпуск первого тома вышел в 1943 г. Переплет — картон, выклепанный белой бумагой, надписан на переплете и корешке сделана синей краской. Второй выпуск первого же тома, вы-

БУДУЩИЕ КНИГИ

Центральный детский театр в Москве приступил к репетиции своей новой детской пьесы «Смех и слезы» — это веселое сновидение советского мальчика Андриши, пошавшего в сказочное картонное королевство. В пьесе много интересных стихов и песен. Ставит пьесу В. Колосов. Я люблю работать для детей, и моей новой работой для детей будет еще одна комедия, которую я задумал в дни войны.

С. МИХАЛКОВ

За что Советская страна Дает героям ордена.

Маленький читатель увидит на десяти страницах этой книги цветные иллюстрации В. Шеглова, изображающие героев фронта и тыла в обстановке, характеризующей их профессию. Каждому такому портрету соответствует орден или медаль, которой награжден данный герой за совершенный им подвиг. На одиннадцатой странице книжки читатель увидит пожилую женщину и орден «Матери-героини». Это она воспитала и вырастила десять сыновей и дочерей, о которых я написал стихи и которых изобразил художник.

Но больше всего работаю я сейчас над баснями. Мною уже написано более двадцати басен. Они все печатаются в журнале «Октябрь» и будут

книжкой в издательстве «Советский писатель» с иллюстрациями художников Кукрыниных и А. Каневского. Каждый день я записываю новые темы для басен и работаю над теми, записанными ранее. Мне кажется, что этот жанр сатирической поэзии был несправедливо забыт. Те басни, которые были опубликованы в печати, имеют широкий отклик у читателей. Я получаю много читательских писем со всех концов страны, что утверждает во мне желание работать в этом жанре. Басня требует большой работы над каждым словом. Она должна быть лаконична по форме и ясна по содержанию. Насколько это мне удается, будет судить читатель. Последней я написал басню:

СВИНЬЯ В БАСНЕ
Был Поросенок послан за границу.
За тридевять земель, в далекие края.
Он вырос. Возмужал. Обзавелся все стоднями.
И вот, домой вернулся, как... Свинья.
И что же?
Все дома не по ней, все дома ей негоже,
Знай, хрюкает о том, что есть в чужой стране.
И на свиной заромских так похожа,
Что басню сочинять, и то противно мне!

У ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

В Алма-Ате состоялось собрание советских писателей Казахстана. С докладом о казахской советской литературе в годы Отечественной войны выступил Сабит Муканов. Докладчик отметил активную работу писателей, помогавших своими произведениями народу в войне с немецко-фашистскими захватчиками. Казахская литература прошлого не имела прозы. За последние годы в казахской советской литературе стали появляться большие прозаические произведения. М. Ауэзов написал роман «Абай» — об основоположнике казахской литературы Абае Кунанбаеве; Г. Мустафин создал повесть «Чаганак Берсиев», о жизни и работе выдающегося мастера Берсиева, доблестного рекордного урожайщика проза. В альманахе «Майдаан» К. Муханов о Герое Советского Союза Исмагулове. Написали новые повести прозаики Сланов и Абиев. С. Муханов говорил также о плодотворной работе поэтов Орманова, Аманжолова, народного акына Баймурадова и многих других.

В прениях по докладу приняли участие Г. Хусанов, Ауэзов, Тажибаев, Сыдыков, Ритман, Богданов, Кузнецов, Сауранбаев, зам. зам. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)К А. Хметов и др.

Фольклор великой Отечественной войны

В октябре 1944 г. Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской объявил конкурс собирателей, сказателей и певцов патристического фольклора Великой Отечественной войны.

Жюри конкурса в составе П. Богатырева (председатель), И. Розанова, И. Кузнецова, Г. Санжеева, В. Чернова, Э. Гофман, В. Кругликова, Н. Рождественской и А. Мухоморова обдумало около 2500 произведений различных жанров (песен, плачей, сказок), свыше 2000 частушек и 1700 пословиц и поговорок.

Особо интересные материалы, отражающие творчество воинов Красной Армии в период Великой Отечественной войны. Большая работа в этой области проделал фронтник В. Голубев. Он собрал бытующие в Действующей армии пословицы, поговорки, частушки, загадки и сатирические рассказы. Десять легенд о генерале Ковале (известный фронтником В. Штанделем) — образцы фольклорного творчества партизан.

Значительная повесть «Война народная», написанная пещорской сказительницей М. Голубовой в содружестве с Н. Леонтьевым, это оригинальное художественное произведение, созданное на основе фольклор-

Отмечая рост казахской литературы, выступавшие указывали на серьезные недостатки работы казахских писателей. Некоторые писатели мало и художественно невыразительно пишут о советской действительности. В произведениях, изображающих деревенскую жизнь, приукрашиваются отрицательные стороны прошлого. Эти товарищи забывают завет А. М. Горького, который говорил: «Для того, чтобы являться каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, — необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего».

Участники собрания отметили крупные недостатки в работе драматургов Казахстана. Большинство видных драматургов занимаются преимущественно обработкой старинных легенд и сказок. Не случайно в репертуаре казахских театров нет современных пьес.

Резкой критике подверглась работа правления Союза советских писателей Казахстана. Указывалось, что правление союза не обсуждает с авторами их произведения, невнимательно к идейно-творческим вопросам, не работает с молодыми авторами.

Памяти генерала Ватутина посвящена большая лирико-эпическая поэма «Большая утрата» Ф. Безубовой.

Жюри конкурса отметило двухтомное рукописное собрание украинского фольклора Великой Отечественной войны, присланное Домом народного творчества Украины (600 произведений).

Успешной признана работа львовского, латвийского, бурят-монгольского, калининского, калужского и других домов народного творчества, а также запись плачей в Занонье (Карелия), проведенная фольклористом В. Базановым.

6 августа состоялось заключительное заседание жюри конкурса.

Решением жюри премии присуждаются: за индивидуальное творчество — М. Голубковой и Н. Леонтьеву — первая премия; П. Носачу и Ф. Безубовой — вторая премия; за собрание фольклора — В. Голубеву, Г. Савицкой — первая премия; А. Беляевой и В. Штанделю — вторая премия; поощрительные премии выданы также В. Анисимовой, К. Волковой и А. Суховерхой.

В ГОСИЗДАТЕ БЕЛУРОССИИ

МИНСК. (Наш корр.) Деятельность Госиздата Белоруссии началась в Минске сразу же после освобождения города. Прошел год с лишним. За это время в освобожденных Минске выпущены 123 названия новых книг общим тиражом в 3.400.000 экземпляров, из них 15 названий по художественной литературе, тиражом 140.000 экземпляров. В ближайшее время выходят поэмы Якуба Коласа «Новая земля» и «Сымон Музыка», стихотворения М. Ю. Лермонтова в переводе на белорусский язык, избранные произведения одного из знаменитых белорусских литераторов В. Лунина-Мариничевича, альманах «Беларусь», русский альманах «Отчина» и др.

КОМЕДИЯ К. КРАПИВЫ

Белорусский драматург Кондрат Крапива, известный по пьесам «Партизаны», «Како смеется последний», «Проба огнем», написал новую пьесу-комедию «Милый человек».

Предисловии к пьесе драматург пишет: «Открытие войны явилось великим испытанием для всего советского народа. Это испытание советские люди выдержали с честью... На этом фоне великих событий и подвигов особенно откровенно вылились темные фигуры эгоистов и шкурников, которые своей личной интерес ставят выше интересов родины». Драматург выводит такого шкурника — Демьяна Демьяновича Жлума, он из Черский.

Опубликованный в белорусской «Литературной газете» отрывок из комедии вызвал большой интерес среди читателей.

В несколько строк

Редакция газеты «Новгородская правда» проводит с 28 июля по 1 сентября с. г. литературный конкурс на лучшее стихотворение, рассказ, фельетон и очерк. За лучшие произведения этих жанров установлено по три десятка премий: первая — 1500 рублей, вторая — 1000 рублей и третья — 500 рублей.

Очередное собрание писателей г. Воронежа было посвящено обсуждению творчества поэта И. Давыдова. Участники обсуждения отметили, что стихи о выдающихся русских актерах Волкове, Каратыгине и Моталове являются наиболее удачными из произведений И. Давыдова.

Сборник горских сказок «Морской конь» — для детей младшего и среднего возраста — подготовила к печати Наталья Канева (Пятигорск). В сборнике вошли сказки (волшебные, бытовые, шуточные) и современный фольклор горцев о Великой Отечественной войне. Книга выйдет в издании Учпедгиза.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

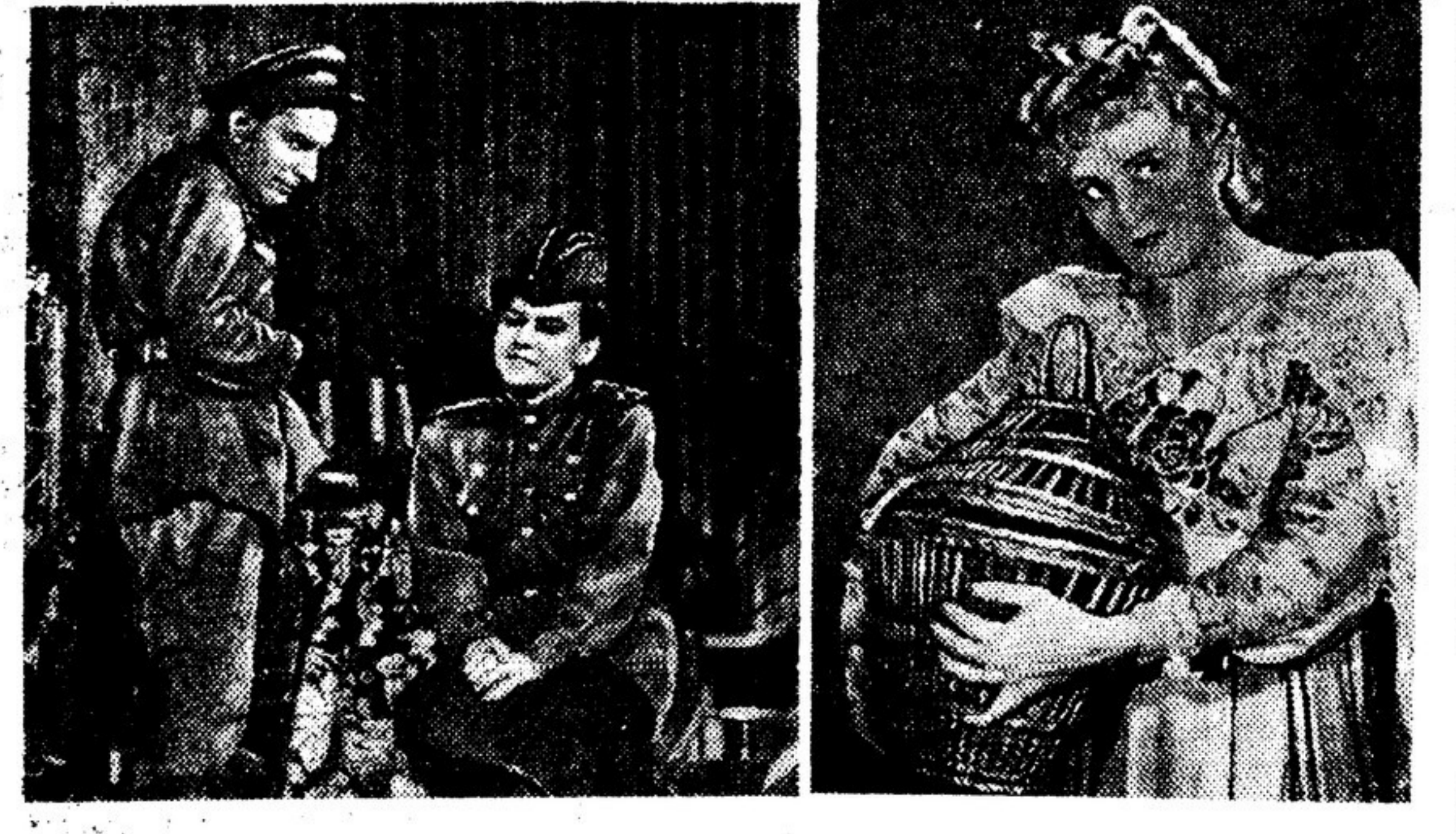
СТРАХОВАНИЕМ ЖИЗНИ В ГОССТРАХЕ МОЖНО ОБЕСПЕЧИТЬ СЕБЯ

- при дожитии до определенного возраста,
- при инвалидности, произошедшей от несчастного случая;
- СЕМЬЮ И БЛИЗКИХ
- в случае преждевременной смерти застрахованного.

Страхования заключаются на любую сумму

Для заключения страхования и за всеми справками обращайтесь в инспекции Госстраха или к страховым агентам.

ПОДПИСЧИК.

«Школьные товарищи» Б. Ласкина в Московском театре им. Ленинского Комсомола. Арт. Д. Иванов в роли Павла Шарохина и арт. Н. Кутасин в роли штурмана Тоси Говоровой. Фото Е. Тихонова (Фотокоринка ТАСС). «Укрощение укротителя» Дж. Флетчера в Московском театре им. Ермоловой. Артистка В. Полонская в роли Ливии. Фото В. Фабрионина (Фотокоринка ТАСС).